

Лингвофилософские аспекты русского жестового дискурса

Л. В. Борисова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Дается краткий обзор современной философии языка. Делается попытка рассмотреть развивающиеся теории русского жестового дискурса, а также роль невербального (жестового) дискурса в решении коммуникативных задач. Жестовый дискурс занимает особое место в системе языков. В предложенной работе рассматриваются некоторые вопросы, связанные с проблемой познания и языкового сознания неслышащих. Показано соотношение языковых картин мира неслышащих и слышащих.

Ключевые слова: лингвофилософия; жестовый дискурс; языковое сознание; картина мира; невербальный дискурс.

Лингвофилософия как междисциплинарное направление современной науки, связывающее языковые явления с более широким кругом различных феноменов, относящихся к мыслительной деятельности человека, имеет длительную историю. Философия языка — традиционный объект философских рефлексий от Платона и Аристотеля и до наших дней — была призвана обеспечить интегративные функции в постоянно изменяющемся языкознании. Изначально язык не был предметом рассмотрения науки, его исследование зародилось в недрах философии. Одно из первых научных произведений о языке было связано с именем Аристотеля. Язык рассматривался как вещь среди вещей (Возрождение), как средство выражения мысли (рационализм), как самостоятельная сила (современность). Этапы истории языкознания тесно связаны с соответствующими философскими основами, т. е. господствующими концепциями той или иной эпохи. В философской науке язык анализировался, например,

концепциями XVII — XVIII вв. (рационализмом и сенсуализмом), античными и средневековыми лингвофилософскими концепциями, а также герменевтикой, феноменологией Гуссерля, прагматизмом, логическим позитивизмом, аналитической философией, постпозитивизмом, эпистемологией М. Фуко, когнитивной наукой и др.

Однако как научная дисциплина лингвофилософия окончательно оформилась в середине XX в. вследствие лингвистического поворота в самой философии, который привел к тому, что язык был понят как реальность, которая задает категориальное расчленение мира. С тех пор язык в его онтологических, гносеологических и методологических ипостасях присутствует либо учитывается как критериальный фактор в современных философских исследованиях.

Современная философия языка — это исследовательская область философии, которая анализирует взаимосвязь мышления и языка, выявляет конституирующую роль языка, слова и речи в различных формах дискурса, в познании

и в структурах сознания. Философия языка охватывает историю языка, языкознание, биологию, логику, психологию и социологию языка.

За последнее время само понятие *язык* претерпело значительные изменения. Номенклатура языков сознания для описания мира и субъекта познания, предложенная В. Зинченко, включает в себя, например, язык тела и мозга, язык движений, действий, жестов; иконические языки, язык мимики, выразительных движений; язык образов, синестезий; вербальные языки; языки моторных программ, символические языки; мета-языки; глубинные семантические структуры, языки смыслов и др. [1].

Понимая сознание как способность соотносить себя с миром, его следует рассматривать в рамках определенной картины (образа) мира.

На всех этапах своего развития человечество находилось в прямой зависимости от различных познавательных моделей, формирующих картину мира, релевантную доминирующей эпистеме.

Элементами, структурирующими данные модели в рамках эпистемологии и когнитивизма, всегда оставались обыденное и научное познание, образующие асимметричную оппозицию и находящиеся между собой в отношениях дополнительности. В процессе познания соответственно формировались две различные картины мира, репрезентирующие концептуальную модель или картину мира: иконическая и индексально-знаковая. Применительно к языку индексально-знаковая картина мира — это научная или языковая картина мира [2].

Кубрякова Е. говорит о том, что языковая картина мира встроена в концептуальную подобно части в целое: «Языковая картина мира <...> рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира

в голове человека, т. е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [3, с. 169].

По мнению В. фон Гумбольдта, считающегося одним из основателей лингвофилософии, язык — это мир, который расположен посередине между являющимся нам внешним миром и миром, действующим в нас [4]. Выраженная здесь идея промежуточного мира — *Zwischenwelt* — это языковая картина мира. Из чего следует, что в рамках лингвофилософии Гумбольдта, рассматривающего мышление не как атрибут языка вообще, а как форму и способ актуализации идеотнического мышления, нерасчлененному гештальтному мышлению, маркирующему иконическую картину мира, не нашлось места. Гумбольдт исходит из теории парциального мышления как условия соединения частей мысли с дискретными языковыми формами, где номинативные продукты их соединения образуют мозаичное целое, репрезентирующее языковую картину мира.

Однако для понимания языковой картины мира носителей русского жестового языка (неслышащих) необходим анализ как языковой, так и иконической картин мира. В скобках заметим, что жестовый язык (*sign language*) надо отличать от спонтанной жестикуляции (*gesture*), сопровождающей вербальный дискурс, а также от языка тела.

Будучи отражением невербального сознания, иконическая картина мира, включающая в себя такие понятия, как цвет, звук, запах, верх / низ, левое / правое, формируется с опорой на личный опыт, этнические константы, архетипические образы коллективного бессознательного. Она структурируется

семантическими фреймовыми сетями, состоящими из гештальтных фреймов — основных структурных единиц памяти.

В связи с этим следует отметить, что в действительности образ мира амода-лен по своей природе, т. е. лишен цвета, запаха, вкуса и не является исключительно зрительным, слуховым и др. Однако поскольку в антропоцентрической парадигме субъект с необходимостью включен в картину мира, ее следует рассматривать с учетом модальностей его восприятия, чувственных характеристик и интерпретации.

На современном этапе рассмотрения научной картины мира преодолевается классическая теория познания с ее виртуальным пониманием субъекта. Общеизвестным является многообразие картин мира в пространственно-временной парадигме (философские, ценностные и др.) [5].

Однако следует учитывать, что любая картина мира изначально формируется на основе образов и гештальтов, а уже в процессе формирования покрывается дискурсом, т. е. вербализируется. Язык, репрезентирующий экстериоризованное сознание, функционирует как универсальная семиотическая система, имеющая план содержания и план выражения, и структурирует эту картину мира посредством вербальных фреймовых сетей. В процессе формирования картины мира большое значение имеет и такой экстралингвистический фактор, как движение.

Учитывая тот факт, что информация в жестовых языках передается при помощи статических и динамических жестов (пальцев руки, ее кисти, руки от кисти до плеча), движений головы и тела, мимики и направления взгляда, иконическая и языковая картины мира неслышащих формируются

на визуально-кинетической основе, в отличие от картин мира слышащих, сформированных на основе трех модальностей восприятия.

Кроме того, языковая и иконическая картины мира в жестовом дискурсе имеют тенденцию к взаимопроникновению, когда в иконической картине мира, например, спонтанно возникают иконические и индексальные знаки (сны, живопись). Это объясняется спецификой самого жестового дискурса, в котором рука выступает как образ и она же — как языковой знак.

Исследуя роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации, Е. Вансяцкая отмечает важную особенность «эмоционально-выразительных средств общения», которые формируются и манифестируются раньше, чем вербальная часть высказывания, которая накладывается на предварительно выраженную невербальную часть [6]. Шаховский В. считает невербальную знаковую систему первичной, отмечая, что она «превосходит вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, по степени искренности и силы выражения и коммуникации эмоций, а также по адекватности их декодирования получателем» [7, с. 18].

Вышеизложенное, посвященное анализу вербальных и невербальных компонентов коммуникации в звучащих языках, приложимо и к жестовым языкам, так как помогает отчасти понять и объяснить когерентность картин мира носителей жестового дискурса более высокой скоростью манифестации невербальной знаковой системы. Это подтверждается тем фактом, что особенностью грамматики русского жестового языка является использование пространства или расположения предметов и лиц в пространстве. Благодаря этому свойству жестового дискурса возможно за короткий период

передать большое количество информации, создать четкий «пространственный» (визуальный) образ.

Специалисты по жестовому дискурсу разграничивают русский жестовый язык (РЖЯ) и калькирующую жестовую речь (КЖР). Первый, по их мнению, представляет собой самостоятельную языковую систему со своей лексикой и грамматикой, которая значительно отличается от грамматики устной речи. Калькирующая система, так как ее грамматический строй близок к построению устного звучащего языка, служит для коммуникации со слышащими.

Исследователи РЖЯ В. Крайнин и З. Крайнина проанализировали некоторые семиотические аспекты жестового дискурса [8].

Семиотика американского философа Ч. Пирса, на которую, не вводя дефиницию, ссылаются авторы, имеет дело со знаками и знаковыми системами, разделяя их на три группы: иконические, индексальные и символические.

Преследуя цель объяснения закономерностей научного познания физического мира, Пирс поставил перед собой задачу классификационно установить корреляции репрезентантов (явлений) как знаков плана выражения с их сущностью как знаков плана содержания. Он установил, что один и тот же план содержания может на уровне репрезентантов маркироваться тремя способами.

Например, иконическим, когда репрезентант так или иначе фиксирует в форме прямого отображения или картины саму действительность, закрепляя тем самым ее чисто внешнее дескриптивное содержание. В более понятной терминологии он назвал это знаком-иконой.

Однако план содержания может маркироваться и на основе установления причинно-следственных связей,

т. е. с опорой на анализ имплицативных связей. Такие репрезентанты он назвал знаками-индексами.

И наконец, одно и то же содержание может быть репрезентировано на уровне плана выражения и знаковым символом, особенность которого в том, что он несет информацию с использованием транспонируемых семантических механизмов. Таким образом, один и тот же план содержания может быть маркирован различными способами его знаковой репрезентации на уровне плана выражения [9, с. 110—118].

Исследователи РЖЯ В. Крайнин и З. Крайнина к знакам-иконам или иконическим знакам относят знаки, визуально схожие с обозначаемым предметом (к примеру, фотографические снимки или географические карты). Во вторую, индексально-знаковую группу они включают знаки, либо обозначающие часть предмета, либо такие, где изображение выступает как знак предмета в целом. Наконец, к третьей, символической группе относятся изображения, имеющие мало общего с обозначаемым предметом.

В жестовом дискурсе слово «дом», например, изображают соприкасающимися концами пальцев обеих рук, представляющих собой как бы двускатную крышу. Такую конфигурацию исследователи относят к индексально-знаковой группе. Сам жест является статическим. Также статическими являются жесты «женщина» — вертикальная ладонь у одной из щек и «мужчина» — согнутая кисть руки у лба.

Первый из этих жестов, по мнению авторов, является символом, второй иногда относят к индексально-знаковой группе, если понимать его как прикосновение пальцев к козырьку фуражки или кепки. Характерные динамические жесты называют некоторых животных,

например, барана (имитация завернутых рогов) или зайца (одновременно уши и движение, имитирующее прыжки). Эти знаки могут быть отнесены ко второй, индексной группе.

Большинство анализируемых жестов динамические и связаны с движениями пальцев, кистей рук или всей руки. Статичных жестов, для понимания которых нет необходимости в движении, значительно меньше.

В большинстве случаев посредством жестового языка невозможно передать имена собственные, специальные научные и иностранные термины, топонимические названия и др. Поэтому наряду с жестовым дискурсом и в дополнение к нему широко используется дактильная азбука.

При использовании дактильной азбуки пальцами показывают символическую или составленную по принципу подобия конфигурацию каждой буквы. По сравнению с жестовым дискурсом или напечатанным словом, которое взгляд охватывает полностью, подобная коммуникация — процесс весьма медленный, вследствие последовательного предъявления каждой буквы с последующим ее соединением в слова и предложения.

В целом, однако, буквы и лексемы в жестовом дискурсе существуют в разных семантических пространствах: слова не состоят из букв.

Вышеизложенное позволяет сделать выводы, что языковая картина мира незлышащих (Deaf ЯКМ) формируется на основе визуально-кинетической модели восприятия, в отличие от картин мира слышащих, сформированных на основе трех, а позднее — четырех, включая дискурсивную или дигитальную, модальностей восприятия.

Вследствие различия плана выражения звучащих и жестовых языков ЯКМ слышащих формируется в рамках

дихотомии вербальный / невербальный. Deaf ЯКМ — мануальный / немануальный, так как информация в жестовом дискурсе передается в пространстве с помощью мануальных (конфигураций рук) и немануальных средств выражения языка (движений головы, телодвижений и мимических жестов).

В рамках концептуальной картины мира незлышащих границы иконической и языковой картин мира недостаточно четкие, что обусловлено более высокой скоростью манифестации невербальной знаковой системы по сравнению с вербальной, а также спецификой жестового дискурса, в котором рука выступает как образ и она же — как языковой знак.

Русский жестовый язык (РЖЯ), в отличие, например, от американского жестового языка (*American Sign Language, ASL*), исследован российским научным сообществом достаточно фрагментарно, не разработан сам понятийный аппарат. В ряду немногочисленных исследований, прямо или косвенно затрагивающих проблематику русского жестового дискурса, следует отметить хрестоматийную работу Г. Зайцевой [10]; относительно недавнюю — Е. Прозоровой, посвященную типологии жестовых языков, принципам организации дискурса в РЖЯ, средствам, использующимся для указания дискурсивных границ [11]; уже упоминавшуюся работу В. Крайнина, в определенной степени классифицирующую и систематизирующую русский жестовый дискурс; А. Горбунова, анализирующего дискурс как лингвофилософскую категорию [12], а также несколько узкоспециальных работ последних трех лет.

Русский жестовый дискурс — несомненно перспективное направление в современной науке — нуждается в дальнейших исследованиях в целях его категоризации и систематизации.

Литература

1. **Зинченко В. П.** Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова). М.: Гардарики, 2002. 431 с.
2. **Борисова Л. В.** Образ и знак в концептуальной картине мира // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. М.: Эйдос, 2009. С. 74—75.
3. **Кубрякова Е. С.** Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141—172.
4. **Гумбольдт В. фон.** Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; общ. ред. Г. В. Рамшвили; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. С. 74—84.
5. **Борисова Л. В.** Ценности / антиценности в языковом сознании студентов // Жизнь языка в культуре и социуме — 4: мат-лы междунар. науч. конф. (Москва, 30—31 мая 2014 г.) / Ин-т языкознания РАН, Российский ун-т дружбы народов. М.: Канцлер, 2014. С. 146—148.
6. **Ваняцкая Е. А.** Роль невербальных и вербальных компонентов коммуникации в текстах, отражающих эмоциональные реакции человека, и их соотношение: на материале англ. языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999. 22 с.
7. **Шаховский В. И.** Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
8. **Крайнин В. А., Крайнина З. М.** Человек не слышит / Ред. Г. В. Гершуни. М.: Знание, 1984. 144 с.
9. **Лазарев В. В.** Философия познания и лингвофилософия: парадигмальный подход: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 506 с.
10. **Зайцева Г. Л.** Жестовая речь. Дактилология. М.: Владос, 2000. 192 с.
11. **Прозорова Е. В.** Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
12. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма / Сост. А. Г. Горбунов. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. 56 с.

Борисова Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков (ИнЯз) МИЭТ.
E-mail: nohas@yandex.ru